

Zoja Kuca

DOI 10.15290/sw.2017.17.03

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej
Wydział Humanistyczny
Instytut Germanistyki i Lingwistyki Stosowanej
tel. +48 81 5338892
e-mail: zoe@umcs.pl

Теоцентрический мир в повести Ирины Пятницкой *Кисельные берега*

Говорят, что времена не выбирают. Да, это так. И время Сергея называлось «коммунистический атеизм» – время богоборчества и отрицания Церкви. Святое Евангелие и духовные книги приходилось прятать, за них могли отправить в места не столь отдаленные. Многих туда и отправляли за веру. Тысячи приняли мучения и смерть за Христа. Их имена светятся на небесах венцами славы!

И. Пятницкая, *Кисельные берега*

Ключевые слова: вера, река, Божественный промысел, духовное возрастание, церковь.

Ирина Пятницкая – современная русская писательница. Ее произведения относятся к жанру духовной прозы. К сожалению, насколько нам известно, ее художественное наследие до сих пор не удостоилось внимания ни русских литературоведов и критиков, ни тем более зарубежных¹. Литературное творчество Ирины Пятницкой сконцентрировано, прежде всего, на духовных ценностях, поэтому духовное возрастание

¹ К сожалению, на сегодняшний день нам мало что известно об Ирине Пятницкой. Она является воспитателем в детском доме, приемной матерью четверых детей. В 2007 году писательница вместе с мужем усыновили двое детей – восьмилетнего Романа и пятилетнюю Настю. Через год оказалось, что у Насти есть родной брат, тоже воспитанник детского дома. Вскоре десятилетний Альберт стал членом

тание и становление личности становится архетипным мотивом в повестях прозаика. Иногда даже крайняя безнравственность, свойственная многим ее героям, уступает место религиозному сознанию, указывая на морально-нравственную перемену. С героями происходит личностное самосознание, позволяющее бороться с эгоцентризмом и противостоять общественному мнению. Для других героев наоборот свойственно нравственное страдание по причине духовного одиночества. И, несмотря на то, что героям Пятницкой свойственны разные духовные и нравственные установки, в очень трудных жизненных условиях и обстоятельствах им удается преодолеть все противоречия.

Стремление к теоцентричному образу жизни связано с освобождением человека в Боге, как Источнике жизни. Пытаясь определить и установить путь богоугодной жизни, Иван Ильин приходит к выводу, что это и есть путь самоосвобождения. Человек, его дух, его нравственность, вся его история и даже смерть – продолжает философ – это и есть высший этап *самоосвобождения Божия* [Ильин 2002, 7]. Исследуя учения Гегеля, русский философ сводит их именно к Божией свободе, свободе в Боге. Освобождение от чувственного, материального мира обеспечивает путь в высшее бытие. Такое состояние героев не сводится только к их нравственности и религиозной образованности, но к их универсальной моральности [Климова 2004, 36]. И. Пятницкая в своих повестях представляет как раз духовное возрастание человека, его перемещения из сферы *profanum* в сферу *sacrum*. Представленная борьба героев с искушениями и мирскими соблазнами, освобождение от греха через религиозное возрождение становятся ключевыми вопросами во всем художественном творчестве прозаика. Предпринимаемые шаги в направлении Божественного начала практически во всех книгах заканчиваются победой над детерминированной действительностью.

Итак, в повести *Кисельные берега* представлены два типа героев. Те, которые воспринимают веру, церковь, религию как «опиум для народа», и, естественно, являются активными комсомольцами и членами

семьи Ирины Пятницкой. В 2013 году на семейном совете решили усыновить еще одного ребенка – девятилетнюю Верочку. Приемные родители пытаются дать детям духовно-нравственное воспитание, прививая им любовь к ближнему, труду, искусству. Ирина Пятницкая является автором нескольких повестей – *Пима Солнечный*, *Кисельные берега*, *Маринкино зеркальце* и сборника рассказов *В кругу ближних*. Все эти книги можно отнести к жанру духовной прозы. Во всех произведениях писательница представляет сложные жизненные обстоятельства, которые способствуют внутреннему преображению героев. См. дет.: *Усыновление в Московской области*, <http://usinovite-mo.ru/index.php/опыт-priemnykh-roditelej-istorii-usynovitelej/137-game-nskij-munitsipalnyj-rajon>, информация от 02.04.2015.

коммунистической партии. Для других, вопрос веры и существование Бога на определённом этапе их становления являются априорными. Речь идет о главной героине повести Татьяне или Ириске, как все привыкли ее называть. Знаменательно, что в случае первой группы героев в произведении описан теоцентрический метаморфоз, с которым впоследствии связан процесс их активного поиска и удовлетворения духовных потребностей. В случае Ириски, героини с духовным самосознанием, наблюдается планомерный процесс утверждения в Боге, во многом вызванный антитезой по отношению к атеистическим установкам, пропагандируемым общественными и коммунистическими организациями.

Перед тем как перейти к анализу повести, необходимо отметить, что феномен *веры, воцерковленность героев* занимает не последнее место в русской литературе. Михаил Дунаев, преподаватель Московской Духовной Академии, утверждает, что «в своих высших проявлениях русская литература становилась уже не просто искусством слова, но богословием в образах»² [Дмитриев 1995, 257]. Художественное пространство произведений Ф. Достоевского, Н. Лескова, И. Шмелева, Б. Зайцева, а также современных писателей А. Сегеня, Ю. Сысоевой, Б. Ширяева обогащено сакральными мотивами. Герои писателей замечают непосредственное вмешательство в их личную жизнь Божественного Промысла и не отвергают Его. Вера в Бога дает им ответы на сложные вопросы бытия, страдания и зла в мире, существования смерти, объяснение которой вне религиозно-мистической плоскости не представляется возможным. В произведениях прозаиков появляются элементы воцерковленного бытия, церковные обряды или другие религиозные реалии. Самым сокровенным и сверхважным в творчестве упомянутых прозаиков было наглядное раскрытие всего доброго и светлого, что присуще душе человека [Дунаев 2002, 577]. Трансцендирование человека, понимаемое как его устремление к высшей реальности, в произведениях упомянутых писателей показано на волевом и эмоциональном уровне религиозных актов (молитв, исповедей, таинств), а также религиозных переживаний героев.

Отметим, что в заглавие книги И. Пятницкая вынесла вторую часть русского фразеологизма *молочные реки и кисельные берега*. Мотив молочной реки и кисельных берегов известен из фольклорного на-

² Цит. по: Дмитриев А., 1995, *Тема «Православие и русская литература» в публикациях последних лет*, „Русская литература”, № 1, с. 257.

родного творчества, в особенности из сказок *царь Горох* и *Гуси-лебеди*. Этот фразеологизм связан с изобилием, достатком, беззаботностью. Река с кисельными берегами отображает представление об идеальном месте, месте счастья и благополучия. В образно-метафорическом содержании данный фразеологизм представляет собой идеализированное место, место обязательного присутствия счастья.

Мотив реки имеет амбивалентное значение. С одной стороны, река разделяет два берега, является некоей гранью между жизнью и смертью, с другой, она символизирует также жизненный путь. В данном произведении образ реки обозначает жизнь и быстротечное время. Самые светлые воспоминания героев связаны именно с этим местом. Смысловым стержнем произведения являются слова Ирискиной бабушки: – «А ты знаешь, моя бабушка сказала, что у нашей речки кисельные берега, – заявила Ириска. – Правда, чтобы это увидеть, она говорит, что надо что-то в жизни сначала испытать» [Пятницкая 2013, 211]. Понять и раскрыть смысл сказанного герои смогут только после пройденных испытаний. Это повесть о трагической первой любви, которая, благодаря Промыслу Божьему и взаимным молитвам героев, заканчивается трогательной встречей влюбленных на берегу реки.

Повесть имеет кольцевую композицию. Завязка произведения и финал происходят как раз на берегу реки. Важно, однако, то, что в самом начале произведения река пишется с маленькой буквы, а в конце – с заглавной, что позволяет говорить об изменении коннотаций реки как таковой. Она не просто *река*, как миллионы других, она отмечена особым статусом. Река является неотъемлемой частью природы, которая воплощает идею неразумного бытия, но с другой стороны, – также бытия, исполненного высшей мудрости, моделирующей человеческое бытие [Фарино 2004, 285].

В анализируемом произведении река наделена божественным смыслом. Место, где она протекает, отождествляется с гармонией и миропорядком. Спокойствие и тишина, как не меняющееся состояние реки, свидетельствует об умиротворённой гармонии между ней и человеком. Приведем показательную цитату: «Танюша смотрела на реку с высокой горки у дома. – Ну надо же, – радовалась она, глядя вдаль, берега-то словно кисельные, а внизу будто молочная река течет. Сказка – да и только!» [Пятницкая 2013, 221].

В размышлениях Ириски восстановился целый фразеологизм: *молочные реки и кисельные берега*, хотя его понимание не имеет ничего общего с изобилием и достатком. Для героев повести эта река является *рекой жизни и рекой времени*, идеализированным местом счастья, дет-

ской и юношеской влюбленности, взрослых жизненных планов. В произведении река без названия связана с временным пространством. Это время отмечено от детства до осознанной взрослости. Она выступает в роли указателя пути. В жизни Ириски и Сергуши, главных героев повести, меняется абсолютно все, и только река остается неизменной. Такая роль реки вводит антитезу *свое* и *чужое*. Жизнь, происходящая недалеко от реки, относится *к своему* и приносит гармонию и счастье, и наоборот, жизнь вдалеке от реки – *чужая*, связанная со страданиями и лишениями. Из этого следует, что счастье героев возможно только в пространстве локуса реки.

Произведение начинается предложением: «За крутым поворотом река замедляет течение и разливается по песчаным отмелям» [Пятницкая 2013, 210]. Через несколько страниц следует предложение: «За крутым поворотом реки виднеется крест Троицкой церкви. Здесь крестилась вся деревня» [Пятницкая 2013, 221]. Как следует из цитаты, река Пятницкой указывает героям путь, по которому они должны двигаться. Известно, что в художественном произведении река может иметь устойчивое символическое значение, внося при этом в текст определенные коннотации, может также приобретать новые значения в рамках конкретного произведения или всего творчества писателя.

После того, как герои втайне от всех провели ночь вместе в домике на берегу реки, она «встретила беглецов утренними солнечными лучами» [Пятницкая 2013, 222]. Повествователь называет этот момент «первым взрослым утром на обновившейся Реке». Здесь слово *река* первый раз в произведении пишется с большой буквы, выводя таким образом ее в категорию героя-свидетеля, третьего, кто знает тайну двух влюбленных. Мечта о семейном счастье Ириски непременно была связана с Рекой, которая становится для влюбленной пары *locus sacrum*. «Река – целый мир со своими жителями и законами. Если не нарушать этих законов, то можно увидеть и узнать много интересного, даже стать участником удивительных событий» [Пятницкая 2013, 272]. В анализируемом произведении река часто отображает и оттеняет внутреннее состояние героев и событий тех времен. Когда Ириска на некоторое время переехала с дочерью в деревню, это был жестокий период гонения на церковь и акций по уничтожению духовенства и верующих. Здесь река также принимает участие в оценке этих событий, меняя свой обычный облик. «В лунном свете было видно, как река вспыхивает маленькими огоньками света – будто плачет» [Пятницкая 2013, 249]. *Речные вспышки*, напоминающие плач, можно рассматривать как предзнаменование митинга, впоследствии органи-

зованного коммунистами в церкви, на котором срывали кресты и жгли иконы с целью «покончить с Богом» [Пятницкая 2013, 258].

Действие в повести происходит в начале семидесятых, т.е. в очень сложное время в жизни Православной церкви и ее чад. Начало гонений и преследований Русской Православной церкви относится к началу XX века. Целью такого рода мероприятий было насаждение в умах и сердцах пролетарского общества атеизма, который, по словам Ванды Супы, должен был занять место Православия. В утопической религии атеизма роль *sacrum* призвана выполнять идея построения коммунистического социума [Supa 2006, 8]. Поскольку Церковь воспринималась советским правительством в качестве политического противника, то религия, в широком понимании этого слова, приняла на себя первый удар со стороны большевистской власти. Она рассматривалась революционерами как *оплот буржуазной реакции, опиум для народа*, одурманивающий буржуазный класс. С января 1918 года Русская православная церковь была лишена статуса юридического лица, имущество церкви было объявлено народным достоянием, была отменена церковная регистрация браков и еще целый ряд лишений, который повергнул Русскую православную церковь в глубокое смятение³ [Замалева 2005, 193].

В сталинские времена лишь в связи с войной наблюдается смягчение политики в отношении религии. До Великой Отечественной войны активно действовало антирелигиозное общество *Союз воинствующих безбожников*. Оно прекратило свое существование только ввиду военных действий. Затем по инициативе Сталина был проведен Собор епископов, на котором был избран новый церковный предстоятель – митрополит Сергей (Страгородский). После смерти Сталина церковь, казалось бы, получила еще большую свободу: начали восстанавливать-

³ См. больше: В советском государстве была объявлена целая компания по „компрометации попов”. В статье *О значении воинствующего материализма* Ленин объявил борьбу буржуазной идеологии, а также любой мистике и идеализму (Кодзис Б., 2002, *Литературные центры русского зарубежья 1918–1939. Писатели. Теоретические объединения. Периодика. Книгопечатание*, Munchen, с. 90–91). Непримируемая борьба с духовенством и беспартийной интеллигенцией привела к тысячам жертв. Согласно исследованиям ученых, большевистские репрессии унесли жизни около 40 тысяч духовных лиц, в том числе 600 епископов. Число уничтоженных составило 85% общего количества духовенства (Supa W., 2006, *Biblia a współczesna proza rosyjska*, с. 11). В статье Павла Милюкова *Россия на переломе. Красный террор* приведена ужасающая статистика истребленных красным террором (См. дет.: Милюков П., 1990, *Россия на переломе. Красный террор*, [в:] *Литература русского зарубежья. Антология в шести томах*, 2 том (1926–1930), Москва, с. 462).

ся и открываться храмы, прекратилось открытое преследование духовенства. Большая часть церковных сооружений, к сожалению, после войны оставалась разрушенной [Поспеловский 1995, 280]. Однако после смерти вождя, уже в середине пятидесятых были приложены все усилия для новой антирелигиозной пропаганды. Во всех постановлениях ЦК упоминалось об опасности церковной печати, являющейся опасным инструментом против атеизации общества [Поспелорвский 1995, 281].

Одной из самых жестких и страшных по числу жертв оказалась хрущевская антирелигиозная кампания. Гонение на духовенство и верующих усилилось в разы. Хрущев лично пообещал народу показать по телевизору *последнего попа* [Платонов 2009, 777]. Хрущевские гонения были направлены на истребление активных верующих, а также на уничтожение священнослужителей. В годы научного атеизма верующих людей с целью перевоспитания выставляли на всеобщее посмешище, пытаясь их таким образом заставить отказаться от своих религиозных убеждений.

Добавим, в связи с этим, что коммунистическая система создала собственную *quasi-религию* с божеством, его святыми и соответствующей обрядностью⁴. Сакрализация Советской власти совершалась одновременно с поголовной атеизацией. Это привело к тому, что уже в 60-е годы религия ассоциировалась с чем-то негативным, религиозный человек слыл простаком и простолудином. Такой эпизод очень реалистично представлен в повести *Кисельные берега*. «Суд над Ириской решили сделать показательным. В актовом зале собрался весь коллектив редакции. [...] Председатель, доложив об успешной борьбе с поповщиной и мракобесием на страницах родной газеты, заклеил Ириску позором и обвинил в отступничестве от линии КПСС в строительстве коммунизма. А затем обратился в зал:

– Давайте теперь послушаем, что скажет нам в свое оправдание комсомолка-богомолка! Присутствующие дружно засмеялись» [Пятницкая 2013, 260]. За этим последовали унижения и угрозы, связанные со ссылкой, лишением материнства. Судилище закончилось голосованием и был вынесен приговор: «заклеймить, осудить, посадить» [Пятницкая 2013, 263]. После столь страшного события главная героиня едва не попросилась с жизнью. Ее муж Владимир, считавшийся одним из ведущих специалистов в области атомной энергетики, член КПСС,

⁴ О quasi-религиозном аспекте коммунизма см.: Heller M., 1989, *Maszyna i śrubki. Jak hartował się człowiek radziecki*, Warszawa.

раньше не смотревший в сторону церкви, после исцеления Ириски, благодаря Таинству Исповеди и Причастия, сам крестился, прекрасно осознавая опасность этого поступка.

Своим поведением героиня воплотила в жизнь главный критерий приобщения человека к Божественной реальности – смирение, которое особенно проявилось во время «пыток». Эти обстоятельства еще больше укрепили ее в вере, в правильности выбора жизненных ориентиров. Поведение героини позволяет нам причислить ее к категории героев-праведников. «Праведничество является [...] непосредственным переживанием себя в истине при отсутствии отождествления себя с истиной»⁵ [Тарасов 2007, 239]. Стоит отметить, что в данном случае можно говорить о двух типах праведничества героев: **1.** праведники-святые, канонизированные православной церковью и **2.** праведники светские, т. е. *воцерковленные личности*, правдоискатели, стремящиеся к постижению Истины, носители высоких нравственных идеалов. Героиню повести нужно отнести ко второму типу. С помощью смирения и любви, кротости и скромности, главных христианских добродетелей, в произведении показан процесс духовного возрастания героини.

Запугивание общества и тотальная атеизация принесли свои плоды. Праздновались только государственные праздники – День Конституции, Новый год, 8 Марта – в то время как религиозные – «по-тихому отмечались по домам» [Пятницкая 2013, 216]. Родители Сергея были партийными людьми, Сергей и Ириска – комсомольцами-активистами, и их обязанность – это «обличать разного рода поповщину» [Пятницкая 2013, 216]. Сергей открыто заявлял Ириске, что в науку верит, а не в Бога, что крестный ход на Пасху – это шествие попов и бабок с кре-

⁵ Теоретиком «праведников» и «праведничества» в русской литературе принято считать Н. Лескова. Писатель одним из первых пытался осмыслить и определить семантические рамки этого термина. Герои праведного склада у Лескова «отличались возвышенными свойствами гораздо более высокого качества, именно – *праведностью*» и стремились вести «изо дня в день праведную долгую жизнь, не солгав, не обманув, не огорчив ближнего и не осудив пристрастного врага» (Цит. по: Тарасов А., *Что есть истина? (Праведники Л.Н. Толстого)*, [online] http://emetz.pereplet.ru/texts/andrej_tarasov.htm). Герои праведники являются носителями высокой нравственной идеи, они – приверженцы миропорядка, не закрывающие глаза на зло, в котором утопает весь мир; для них чужда растворенность в собственных скорбях; праведники отданы и поглощены заботами о других. Праведник – это правдоискатель, стремящийся к высшей истине человеческой экзистенции. Для него характерен строгий пост, непраздный образ жизни, молитва, доброжелательность, отказ от материального благополучия. Из этого следует, что в своих героях-праведниках на первое место Лесков выдвигает высокие религиозные начала – любовь к ближнему и бесстрастное служение Богу.

стами. Такой подход Сергея к церкви обижал чувства героини, однако, она чего-то выжидала, со смирением выслушивая пагубные умозаключения Сергея, касающиеся роли и места церкви в жизни человека.

Художественное время и пространство повести обогащено описанием церковных обрядов. Сергей и Ириска, боявшиеся принять участие в Пасхальном Богослужении, наблюдали за крестным ходом с крыши восьмого этажа: «Люди спускались вниз с зажжёнными в руках свечами и медленно двигались, огибая церковь. Шествие возглавляли священники в особых красивых одеждах. Мужчины торжественно несли иконы на длинных шестах. [...] Звон колоколов наполнял радостью звездное весеннее небо, землю, улицу и стучался в темные окна, пробуждая спящих людей» [Пятницкая 2013, 220]. Обряд трехкратного целования и возгласа – *Христос воскрес! Воистину воскрес!* – глубоко тронул воцерковленную Ириску и атеистически настроенного комсомольца Сергея, который, в отличие от героини, ненадолго задержал в своем сердце трепетное и загадочное чувство восторга. Это чувство было знакомо Ириске, ибо она не один раз переживала его, стоя перед иконами в церкви. Что влекло ее в стены храма, героиня и сама не понимала. «По-видимому, это был зов сердца. Притягивала жизнь совершенно другого мира, питающего душу истинной любовью, которую невозможно было обрести за стенами церкви. Перед входом в храм Ириска как будто сбрасывала с себя грязную одежду и совершенно обновленная, открытая, очистившаяся переступала порог» [Пятницкая 2013, 227].

Здесь уместно сказать о сакральном и профанном времени и пространстве в жизни человека. В феноменологии религии особое место вопросу сакральности времени и пространства уделял Мирча Элиаде, у которого сакральное время и пространство всегда противопоставлено профанному, мирскому. Сакральность и профанность времени и пространства ученый показывает на примере религиозного и нерелигиозного человека. Он утверждает, что религиозное пространство отличается своей неоднородностью. Святая или сакральная территория, значит не такая как все остальные, а более важная, существенная и значимая [Eliade 1970, 61]. Теория сакрального пространства у ученого связана с поиском рассмотренного нами выше *центра мира*, к которому стремится каждый религиозный человек. Оппозицией сакрального пространства является пространство мирское, для которого характерна однородность и нейтральность. Человек, который выбирает исключительно мирскую жизнь, отказываясь от ее сакральных проявлений, не может без остатка лишиться религиозной основы, поскольку даже

в самом антирелигиозном существовании остаются следы религиозной ценности мира [Eliade 1970, 63]. Порог храма является границей, разделяющей два пространства – мирское и сакральное. Переступая порог храма, героиня чувствовала себя очищенной, обновленной и просто Другой. Храм явился для нее *imago mundi*, центром мира, своеобразным *locus sacrum*.

В художественном пространстве повести есть два места, которым можно приписать статус *locus sacrum*. Первым из них, несомненно, является храм с его насыщенной теоцентричностью, вторым – Река, поскольку с двумя этими местами героиня отождествляла счастье. Храм, как сакральное место, притягивал героиню своим внутренним содержанием, Река – своей тишиной и чистотой. «Только здесь можно было почувствовать тихую радость, высокую грусть и полную отстраненность от мирской суеты» [Пятницкая 2013, 227] – думала героиня о храме. С таким же благоговением и трепетом Ириска думала о реке.

В произведении повествование имеет катехизационный характер. Отступления от главной сюжетной линии на протяжении всего произведения делаются писательницей осознанно и систематично. Этот прием используется с целью наполнения текста дополнительной нравственной и назидательной составляющей и с частым применением аллегорических смыслов. «Кто знает, как зарождается вера в душе человека? Короткий это путь или длинный? [...] Вначале человеку свойственна самоуверенность. Он надеется только на себя, на собственные силы. Потом, открыв двери церкви, это «само» утрачивается, отсекается и возникает доверие к Богу. Душа просыпается, очищается от ложных установок. Начинает тянуться к свету истины, радоваться» [Пятницкая 2013, 228]. И еще одна цитата о материнстве: «Какой великой радостью одарил Господь женщину! Даром материнства, возможностью совершить чудо – принять, выносить и родить человека. Только женщина может соприкоснуться с тайной жизни и ощутить в себе энергию Божественной любви» [Пятницкая 2013, 232].

Детская и юношеская любовь Ириски и Сергея прошла много испытаний. Героиня, чтобы скрыть беременность, о которой так и не узнал Сергей, выходит замуж за Владимира, школьного друга. Сергей, в свою очередь, наперекор Ириске, женится на однокурснице. У обоих молодых людей семейная жизнь не складывается. Сергей, инспектируя работу ГЭС, посещает многие страны. Планируя поездку в Грузию, герой решил обязательно посетить Афонские пещеры. Однако, в день мероприятия пещеры оказались временно закрытыми. Сергей проявил желание посмотреть Симоно-Кананитский монастырь, размещенный

на скале. Поднявшись на скалу, Сергей первый раз в жизни подумал о чем-то, чего раньше избегал и отрицал. Появление монаха было для него совсем неожиданным. Первая в жизни беседа с духовным лицом на духовные темы, стала для героя началом покаянного пути. Монах благословил его выпить воды из целебного источника, которая «омывала его благодатной силой, приоткрыв ослепшие от тьмы безверия глаза» [Пятницкая 2013, 277]. Впервые герой осенил себя крестным знаменем. Разговор со старцем Рафаилом, крестное знамение, подаренный крестик – все это открыло перед ним новую книгу жизни. Через две недели в скальном храме Сергей первый раз в жизни «причастился Христовых Таин Вечной Чаши любви и милосердия. И если в обитель поднимался Серега Силач, как называли его между собой друзья, то вниз спустился раб Божий Сергей» [Пятницкая 2013, 278].

Пассивность Сергея по отношению к сакральному уступила место сознательному и огромному желанию и стремлению к личностному контакту с Божеством. Далее происходит совершенствование его в духовном плане, углубление в процесс обожествления. Герой так и никогда больше не встретил своего духовного наставника, который, зная, что Сергей обязательно еще раз приедет в Грузию, оставил для него письмо с наставлениями и благословением на религиозную жизнь. В конце записки было написано: «Беги, дорогое мое чадо, к своим кисельным берегам!» [Пятницкая 2013, 282], т.е. именно туда, где все эти годы его ждала Ириска с их дочерью Татьяной. Герои встретились у реки уже как глубоко воцерковленные личности, знающие цену жизни и любви. Для обоих стало понятно, зачем и для чего ими были пройдены все испытания и гонения.

Повесть *Кисельные берега* – это книга судеб, повесть о Божественном промысле и Его провидении, смысл которого раскрывается в определенных жизненных обстоятельствах.

Литература

- Замалеев А., 2005, *История русской культуры*, Санкт-Петербург.
- Дмитриев А., 1995, *Тема «Православие и русская литература» в публикациях последних лет*, „Русская литература”, № 1, с. 253–270.
- Дунаев М., 2002, *Православие и русская литература*, ч. 5, Москва.
- Ильин И., 2002, *Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека*, *Учение о человеке*, собрание сочинений, т. II, Москва.

- Климова С., 2004, *Феноменология святости и страстности в русской философии культуры*, Санкт-Петербург.
- Кодзис Б., 2002, *Литературные центры русского зарубежья 1918–1939. Писатели. Творческие объединения. Периодика. Книгопечатание*, Munchen.
- Милюков П., 1990, *Россия на переломе. Красный террор*, [в:] *Литература русского зарубежья. Антология в шести томах*, 2 том (1926–1930), Москва, с. 462–471.
- Платонов О., 2009, *История русского народа в XX веке*, Москва.
- Поспеловский Д., 1995, *Русская православная церковь в XX веке*, Москва.
- Пятницкая И., 2013, *Кисельные берега*, [в:] Пятницкая И., *Pima Solnenuj*, Москва, с. 210–284.
- Тарасов А., *Что есть истина? (Праведники Л. Н. Толстого)*, [online] http://emetz.pereplet.ru/texts/andrej_tarasov.htm [17.07.2014].
- Усыновление в Московской области*, 2014, [online], <http://usinovite-mo.ru/index.php/опыт-priemnykh-roditelej-istorii-usynovitelej/137-ramenskij-munitsipal-nuj-rajon>, [02.04.2015].
- Фарино Е., 2004, *Введение в литературоведение*, Санкт-Петербург.
- Eliade M., 1970, *Sacrum. Mit. Historia. Wybór esejów*, przeł. A. Tatarkiewicz, Warszawa.
- Heller M., 1989, *Maszyna i śrubki. Jak hartował się człowiek radziecki*, Warszawa.
- Supa W., 2006, *Biblia a współczesna proza rosyjska*, Białystok.

THEOCENTRIC WORLD IN THE NARRATIVE *KISIELNYJE BIERIEGA*
BY IRINA PIATNICKOJ

S U M M A R Y

The present article is devoted to the deliberations on the subject of theocentrism in the narrative *Kisielnyje bieriega* by Irina Piatnickoj. Irina Piatnickoj is a modern Russian writer the works of whom focus primarily on spiritual reality as well as the creation of spiritual values. Each text written by Piatnickoj can be examined from a Christian perspective. Religiosity, biblical themes, reminiscences shown both *explicite* and *implicite*. The way of life of the heroes of the writer is a kind of unchanging model of a thematic system: from sinfulness to sainthood. In the narrative *Kisielnyje bieriega* the writer presents the fate of young people who are in love and who had to go through a hard school of life. Thanks to divine providence their love survived and even more – it grew stronger in God. In the analysed texts the motif of searching for divine truth and finding the way to it develop in a mounting fashion. Moreover, the antinomy of such categories as faith and lack of faith, humbleness and pride, sainthood and sinfulness is exhibited. A great value of the analysed texts is a penetrating demonstration of the religious experience of the heroes, that is lay people.